

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-947-961>
EDN: LMFGRM

Научная статья / Research Article

Идентификация сущностных характеристик права в цифровую эпоху

С.Б. Зинковский

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Одинцовский филиал МГИМО МИД России, г. Одинцово, Российская Федерация
 zinkovskiy-sb@rudn.ru

Аннотация. Обосновывается необходимость использования новых подходов к исследованию права, обусловленных внедрением цифровых технологий в общественную жизнь. В этих условиях качественные изменения в сознании и способах формирования мировоззрения человека, виртуализация общественных отношений и их ценностная основа, трансформация культурной идентичности приобретают значение типологических характеристик права в цифровую эпоху. Цифровая реальность – это особая «среда обитания» человека, которая меняет направленность процесса эволюции человеческого мозга и сознания; в сочетании с социальным опытом изменяет тип человеческого мышления и мировосприятия; создает условия для трансформации ценностной основы культуры, «расщепления» индивидуальности человека и его культурной идентичности; виртуализирует значительную часть общественных отношений; порождает новую структуру общества и новые формы социального неравенства. Эти направления эволюции социальной практики, общественных отношений, их ценностной основы, сознания и мировоззрения человека, будучи выраженными в праве, приобретают значение его типологических характеристик, в которых в новой уникальной форме проявляет себя феномен синкретизма. Типологической характеристикой права становится слитное, нераздельное выражение в нем комплекса природно-биологических и социальных закономерностей развития человека и общества, а также технических закономерностей, обусловленных интеграцией в человеческое сознание элементов цифровой среды, небιологическими ресурсами. Право цифровой эпохи считает ценностью не конкретного человека, а приемлемую с точки зрения власти его идентичность, юридическая оценка которой сопряжена с появлением новой группы объектов правового регулирования – виртуальных интерпретаций человеком юридически значимых социальных смыслов. Цифровая эпоха порождает новые формы социального деления, критериями которого становятся степень интеграции человека в виртуальное пространство и отношение человека к технологиям как к средствам производства, а следствием – отражение в праве новых групп социальных интересов, меняющих его сущность.

Ключевые слова: типология права, миропонимание, цифровая среда, виртуальный, синкретизм, культурная идентичность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 01 сентября 2025 г.

Принята к печати: 15 октября 2025 г.

© Зинковский С.Б., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Зинковский С.Б. Идентификация сущностных характеристик права в цифровую эпоху // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 4. С. 947–961. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-947-961>

Identification of the substantial characteristics of law in the digital age

Sergey B. Zinkovskiy

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Odintsovo branch, MGIMO University, Odintsovo, Russian Federation

 zinkovskiy-sb@rudn.ru

Abstract. The article discusses the need for new approaches to legal research, driven by the introduction of digital technologies into public life. Under these conditions qualitative changes in consciousness and methods of human worldview formation, virtualization of social relations and their value basis, and transformation of cultural identity acquire the significance of typological features of law in the digital age. Digital reality is a special human "habitat" that changes the direction of the evolution of the human brain and consciousness; in combination with social experience, it alters the type of human thinking and worldview; creates conditions for the transformation of the value basis of culture, the splitting of human individuality and cultural identity; virtualizes a significant part of social relations; gives rise to a new structure of society and new forms of social inequality. These directions of evolution of social practice, social relations, their value basis, consciousness, and human worldview, being expressed in law, acquire the significance of its typological characteristics, in which the phenomenon of syncretism manifests itself in a new, unique form. The typological feature of law is its fused, inseparable expression of a complex of natural, biological, and social regularities governing human and social development, as well as technical regularities conditioned by the integration of elements of the digital environment and non-biological resources into human consciousness. The law of the digital age considers value not in the individual, but in their identity, acceptable from the perspective of the official authorities. The legal assessment of this identity is associated with the emergence of a new group of objects of legal regulation—human virtual interpretations of legally significant social meanings. The digital age is giving rise to new forms of social division, the criteria of which are the degree of human integration into virtual space and the human attitude toward technology as a means of production. This results in the reflection in law of new groups of social interests, changing its essence.

Key words: typology of law, worldview, digital environment, virtual, syncretism, cultural identity

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 01st September 2025

Accepted: 15th October 2025

For citation:

Zinkovskiy, S.B. (2025) Identification of the substantial characteristics of law in the digital age. *RUDN Journal of Law*. 29 (4), 947–961. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-4-947-961>

Введение

Типологическая характеристика права конкретной культурно-исторической эпохи предполагает опору на его сущностные признаки. Их комбинация позволяет построить типологию права вообще и сформировать представление о каждом из

выделенных его типов. В числе таких признаков – характер понимания права на разных стадиях исторического развития, форма права, его структура, механизм действия (Muromtsev, 2021:363), социальное назначение права, выраженные в праве социальные интересы, характер миропонимания и сознания людей, духовные и материальные особенности общественных отношений, наконец, особенности культурной идентичности, проявляющиеся в характеристиках природно-социальной и технологической среды, в которой существует право. Типологические характеристики права не сводятся исключительно к его внутренним свойствам, они находят свое выражение в плоскости миропонимания, социальной практики, биологических (в частности – генетических) закономерностей развития человека и общества.

«Современные цивилизационные изменения, глобальные общественные трансформации и смена технологического уклада жизни общества порождают множество эффектов, проявляющихся в том числе в социальном регулировании» (Khabrieva, 2021:6). В начале XXI в. в социально-гуманитарных исследованиях наметилось смещение акцентов в восприятии цифровых пространств – если раньше они рассматривались как носители информации, то современная наука интерпретирует их как пространства коммуникации (Horst & Miller, 2012; Blank & Reisdorf, 2012; Van Dijck, 2013), как «электронно-опосредованные формы жизни» (Winner, 1997). Цифровая реальность опирается на физический мир, на аналоговую культуру, но одновременно формирует новые культуры и социальные практики, внутри которых участники процесса коммуникации наделены собственными социальными ролями и идентичностями (Boellstorff et al., 2012; Jones, 2002). Характеристики цифровой коммуникации становятся в этой связи частью описания социальных процессов (Bryzgalina, 2023).

С учетом этого **цель исследования** – определить, как качественные изменения в сознании и способах формирования мировоззрения человека, виртуализация общественных отношений и их ценностная основа, трансформация культурной идентичности приобретают значение типологических характеристик права в цифровую эпоху.

Методология и материалы

Методологической основой исследования был выбран культурно-исторический подход к праву, предполагающий рассмотрение права как элемента культуры общества во всем многообразии ее конкретно-исторических форм. Специфика содержательных характеристик цифровой эпохи как объекта исследования предопределила необходимость рассмотрения общественных отношений, в которые вступает человек в аналоговом и цифровом мире, с позиций теории коммуникации в ее кибернетической, феноменологической, семиотической и социально-психологической интерпретациях. Фундаментально-теоретический характер вопроса о типологии права, являющегося для цели исследования системообразующим центром, потребовал обращения к философии и анализа обширного объема философских исследований проблематики цифровой эпохи. Внимание не только к социальным, но и к природным закономерностям развития права позволило в необходимой мере обратиться к данным, полученным в рамках нейронаук, в частности, нейроантропологии.

Результаты исследования и дискуссия

1. Качественные изменения в сознании и способах формирования мировоззрения человека цифровой эпохи.

Цифровая реальность формирует особые «среды обитания» человека, в которых сознание человека оказывается под воздействием множества факторов (Khalin,

2018), элементы этой среды становятся частью повседневного бытия человека, подчас более значимой, чем его социальное окружение (Pishchalnikova, 2018). В современной научной литературе в этой связи выдвинута гипотеза – цифровая реальность меняет направленность эволюционного процесса, создавая препятствия для эволюции мозга человека (Markov, 2013) – человек не стремится к пониманию информации, он просто ею пользуется, не обращая внимания на ее качество. Процесс коммуникации в цифровой среде характеризуется стандартизацией и упрощением ее невербальных форм, что меняет психику человека.

Думается, что такие изменения закономерны и соответствуют логике эволюции мышления в связи с развитием средств коммуникации. Так, для дописьменной эпохи существования человечества господствующим типом коммуникации и способом формирования мировоззрения была человеческая речь (McLuhan, 1962), человек существовал в слуховой коммуникационной среде и, получая информацию, был ограничен возможностями и объемом своего мозга.

На определенном этапе развития человечества ограниченность этого объема преодолевается путем зарождения письменности, что позволило: а) изменить основную среду коммуникации, актуализировав значение зрения, через которое воспринимается текст, а впоследствии б) усилить роль знаковой формы передачи информации в целом. Человек создает культуру – множество «...искусственных источников стимуляции, которыми пользуемся для взаимодействия друг с другом, – изображения, модели, фотографии, музыку, знаки, символы и средства массовой коммуникации» (Gibson, 2002).

По мере накопления информации об окружающем мире и с развитием цифровых технологий появляется новая коммуникативная среда – цифровая, способности которой к аккумуляции информации существенно превосходят письменные источники. Однако человеческий мозг, ранее адаптировавшийся под объем информации, сконцентрированной в письменных источниках, оказывается неспособным содержательно переработать ее в том объеме, который обеспечивает цифровая среда. Объективно такая ситуация предполагает два выхода – либо игнорировать какую-либо часть информации, либо изменить форму ее подачи и способ ее обработки, соотнеся их с особенностями средств ее получения. Второй путь, очевидно, продуктивнее, но при его реализации человек получает готовую информацию в упрощенной форме без какой-либо необходимости в аналитической работе. Упрощение процесса получения и усвоения информации с точки зрения нейрофизиологии удобнее и менее энергозатратно для человеческого мозга. Однако обратная сторона ситуации заключается в упрощении мозговой активности – в отказе от выполнения критической функции по отношению к информации, от систематизации знаний, в формирующейся фрагментарности мышления без выстраивания целостной картины мира. То есть средства получения информации, предопределяя особые формы подачи и способы обработки знаний, становятся инструментом изменения мировоззрения человека.

Как это ни парадоксально, но цифровая эпоха актуализирует проблему синкретизма как характеристики человеческого сознания в том смысле, что элементы цифровой среды, технологии, используемые в ней, накладываются в сознании на социальный опыт и трансформируют тип человеческого мышления (Parshin & Akhlibininsky, 1996). Если раньше, в аналоговую эпоху мышление человека характеризовалось как линейное, то сейчас оно приобретает сетевую, клиповую форму,

сужает мировоззрение человека и предлагает ему вместо цельной и системной картины мира набор фрагментов информации, не предполагая их критического осмысления (Petrova, 2022). В свою очередь, мировоззрение человека включает в себя ценностный компонент, обуславливающий поведение человека, его мотивы, специфику его взаимодействия с иными субъектами. Сужение мировоззрения упрощает, выхолащивает, деформирует и подменяет ценностные ориентиры, формирующие мотивы человеческого поведения. То есть средства получения информации и среда их применения становятся фактором, под влиянием которого трансформируются ценности, мировосприятие человека (McLuhan, 1964).

Другой аспект «нового» синкретизма человеческого сознания выражается в том, что развитие существующих технологий, компенсирующих недостаточность отдельных функций человеческого организма (протезирования, кардиостимуляции и т.д.), может рано или поздно привести к появлению технологий, модифицирующих психику человека (Clark, 2004). Переплетение мозга с небиологическими ресурсами воспроизведет вид совместного развития природного, социального и технического (Latour, 2005), личность предстанет открытой системой со специфическими социальными ролями в общественных отношениях.

То есть сознание человека в эпоху цифровизации качественно изменяется (Lectorsky, 2018), с одной стороны, оно становится примитивнее, чем в доцифровую эпоху, и открывает возможности для манипулирования когнитивными способностями, эмоциями и поведением человека при осуществлении правового регулирования, а с другой – расширяет круг возможностей государства для рассмотрения человека как носителя новых социальных ролей, которые он может выполнять в создаваемой государством системе правового регулирования.

Этот сдвиг подтверждается результатами исследованиями киберкультуры и влияния цифровых технологий на когнитивные процессы и идентичность, которые также подчеркивают усиление синкретизма – когда внешние цифровые стимулы смешиваются с внутренними когнитивными процессами, что часто приводит к снижению индивидуальной автономии и более фрагментарному, реактивному мышлению (Clark, 2008). Открытая системная природа личности теперь выходит за рамки биологии и включает в себя технологическое посредничество, преобразуя социальную и правовую динамику.

2. Виртуализация общественных отношений и их ценностная основа в цифровую эпоху.

«Сращивание» человека с цифровой средой означает, что он, продолжая существовать в реальном мире, параллельно выполняет взятые на себя социальные роли в виртуальной реальности (Leshkevich, 2022). Сетевое мышление становится основой для его сетевого существования. Человек выходит за рамки своих возможностей, которыми он обладает в реальном мире, дополняя свои биологические, в том числе нейрофизиологические функции, технологическими возможностями. В цифровой среде он фактически создает видоизмененную копию себя, при этом, не будучи скованным ограничениями реального мира, он может вложить в эту копию любые ценностные ориентиры, включить ее в любые практики социального общения, реализуемые в виртуальной среде (Welsch et al., 2020). На копии человека отражаются все его предубеждения, комплексы, искаженные представления о себе и об окружающей действительности.

В реальном мире человек – это конкретная, определенная социальная единица, характеризующаяся такой же определенной идентичностью. В виртуальном пространстве человек обладает множеством идентичностей, которые могут не совпадать с его реальной идентичностью, его цифровая личность характеризуется неопределенностью (Katrechko, 2004), которая усиливается в связи с использованием людьми в виртуальном пространстве так называемых «ников». Последние анонимизируют человека и размывают его индивидуальность как характеристику, конкретизирующую участника общественного отношения – в результате в праве цифровой эпохи отражается ценность не конкретного человека, а приемлемой с точки зрения власти его идентичности.

В этой связи становится следующей закономерность – погружение в виртуальное пространство часто производится с целью коррекции проблемного социального смысла. Человек либо пытается изменить окружение, «среду» проблемы, с которой он столкнулся в реальном мире, перейдя в иные формы своего бытия, либо конструирует при помощи виртуального мира свое видение этой проблемы, абстрагируясь от ее «неудобного», «враждебного» смысла. Созданная им интерпретация социальной ситуации, по сути, обесмысливает для него, но не для государства и права, проблему, с которой он столкнулся (Ivanenko, 2009). В правовой сфере это влечет за собой появление новой группы объектов правового регулирования – виртуальных интерпретаций человеком юридически значимых социальных смыслов – то есть право цифровой эпохи может столкнуться с необходимостью выхода за рамки оценки только поведенческих актов.

Интеграция людей в виртуальное пространство происходит неравномерно и стимулирует формирование новой структуры общества, включающей в себя: а) людей, привязанных только к реальному пространству и не использующих виртуальное пространство, б) людей, не привязанных ни к реальному, ни к виртуальному пространству, в) людей, привязанных к реальному пространству, сознательно ограничивающих использование виртуального пространства, г) людей, одинаково привязанных к реальному и виртуальному пространствам, интегрирующих реальное и виртуальное, д) людей, полностью поглощенных виртуальной средой, которые свели свои функции в реальном пространстве к минимуму (Misra & Stokols, 2012). Эти группы людей имеют свои уникальные социальные интересы, невнимание к которым со стороны права приведет к «выпадению» этих людей из правового поля. Следовательно, понимание сущности права как совокупности выраженных в нем социальных интересов требует включения их «новых» разновидностей в сферу правового регулирования.

Виртуализация жизни человека ведет к формированию его новой функциональности и моральным деформациям, которые становятся возможными из-за отсутствия физического контакта с иными участниками виртуального общения и сопутствующих ему обязанностей, ограничений (Szecsi & Koller, 2017). Человек оказывается в ситуации, когда он формирует окружающую среду, которая, в свою очередь, формирует его самого – человек становится руководимым алгоритмами сетевых практик (пример – присущая виртуальному миру погоня за фолловерами – подписчиками на аккаунт – и лайками – положительными реакциями на контент). Под их влиянием происходит трансформация системы ценностей, появляются те из них, на основе которых реализуется поведение человека в виртуальной сфере:

1. Ценность пути к информации – в цифровой среде поиск и последующее присвоение информации становятся эквивалентом когнитивных способностей, то есть

если в реальном мире ценностью является само знание, то в виртуальном ценностью обладает сам путь к нему;

2. Ценность алгоритмизации деятельности – в цифровой среде решение задачи по шаблону имеет преимущество по сравнению с творческим подходом; то есть эта ценность виртуального мира прямо противоположна ценности деятельности в человеческом, реальном измерении;

3. Ценность «права на сетевое самоопределение» (Belli, 2017) – человек считает себя уполномоченным на введение других участников коммуникационного процесса в заблуждение относительно своего реального социального статуса, на сознательное искажение представлений о себе;

4. Ценность «нового доверия» – информация, получаемая из цифровой среды, воспринимается человеком как истинная, без каких-либо доказательств – то есть механизм восприятия такой информации аналогичен доверию человека к сигналам собственного мозга.

Другим следствием виртуализации общественных отношений становится десоциализация индивида (Kolyadko, 2022) и появление на ее основе новых форм социального неравенства.

Еще идеологи глобализации, кризис которой мы наблюдаем в настоящее время, отмечали, что индивидуализация (а погружение индивида в виртуальное пространство является формой его обособления от общества, способом разрыва некомфортных для него социальных связей) на самом деле не ведет к росту автономии индивида, а, напротив, еще более способствует его зависимости в связи с ростом его подчиненности структурному принуждению и всеобщей стандартизации. Такая зависимость становится результатом усиления сил, неподконтрольных человеку, а также неопределенности в широком смысле слова – в статусе, в формах и способах коммуникации и т.д. (Bauman, 2005). Логика процесса здесь такова: стремление к индивидуализации означает утраты тех или иных форм социальности. Так, в цифровую эпоху социальное начало человека и его жизнедеятельности вытесняется технологиями. Между тем именно оно обеспечивает полноценное развитие человека как личности. При «выключении» человека из пространства аналоговой социальной коммуникации создается угроза дезинтеграции, разобщения (Toffler, 1997).

В свою очередь, это открывает возможности для государства в лице правящих социальных групп использовать широкий спектр инструментов для подчинения социальной жизни своим интересам. В цифровой сфере таким инструментами становятся, например, метаданные, являющиеся неотъемлемой частью цифровой реальности (Hui, 2016; Lovink & Hui, 2016). Действия индивида в цифровой среде (поисковые запросы, посещение конкретных интернет-ресурсов, скачивание файлов, комментарии к постам и т.д.) получают количественное обобщение и используются государством в интересах власти, правящей социальной группы (в цифровую эпоху – технологических олигархов (Noble, 2018)), в частности, этими данными государство руководствуется при реализации различных проектов в области социальной инженерии (Clough et al., 2015; Zhuravleva, 2018). То есть метаданные становятся эффективным каналом контроля за поведением индивидов, за любыми их действиями, получившим наименование «цифровая тень» (Hildebrandt, 2008).

В конечном итоге цифровая эпоха характеризуется появлением новой формы социального неравенства – общество разделено на технологически развитое меньшинство, верхушку которого составляют технологические олигархи,

и технологически ограниченное меньшинство (Ossewaarde, 2019). Социальные интересы этих групп людей также в значительной степени меняют сущность права с точки зрения его типологических характеристик.

3. Трансформация культурной идентичности и ее влияние на типологические характеристики права в цифровую эпоху.

Цифровая эпоха характеризуется не только изменением социальной структуры, но и трансформацией основных черт культуры, в совокупности образующих ее идентичность: системообразующих принципов, традиций и ценностей, лежащих в основе культуры, причин и оснований социальных конфликтов, специфики мировосприятия, иных параметров бытия человека, в частности, изменения параметров социального пространства и времени.

В современном обществе происходит деформация традиционной культуры (Bauman, 2005:65–70; Lazarevich, 2015:198; Laing, 2002:104) – она приобретает мозаичные формы (Moles, 2008:44–46), отвечающие по своей природе особенностям новых каналов социализации индивида, новым способам передачи ему ценностных убеждений и мировоззренческих моделей (Stepin, 2011:61–63). Мозаичная форма культуры способствует атомизации всей жизнедеятельности человека, что делает его культурную идентичность динамичной, неопределенной, порождая конфликты ее разных составляющих (религиозной, лингвистической, этнокультурной, исторической и т.д.) и кризис самой культурной идентичности. «Цифровые технологии в этой ситуации способствуют массовизации и радикализации подобных процессов» (Trufanova & Khan, 2022). То есть принадлежность индивида к определенной группе, объединенной общими ценностями, являющимися для нее системообразующим фактором, размывается (Semenenko, 2017:312). Такие же закономерности характеризуют кризис коллективной культурной идентичности (Astafyeva, 2010). Одно остается неизменным – проблема культурной идентичности сводится к делению мира на «своих» и «чужих», к отношению человека или групп людей к представителям других культур, к противоречиям, конфликтам, возникающим в процессе межкультурного взаимодействия.

Академик В.С. Степин понимает культуру как «систему информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый социальный опыт, который выступает по отношению к различным видам деятельности, поведения и общения (а значит, и всем порождаемым ими структурам и состояниям социальной жизни) как их надбиологические программы» (Stepin, 2001:342). То есть культурная идентичность определяется сочетанием природно-биологических (например, генетических) и социальных факторов (через восприятие языка, социальных норм, традиций, элементов религиозной сферы, привычек и т.д. (Trufanova, 2022:41–49). В современных научных исследованиях (Han & Ma, 2014; Sfera & Osorio, 2014) высказывается идея о том, что как «надбиологические» элементы культурной идентичности могут быть предопределены биологически, так и социальные факторы могут спровоцировать изменения биологических характеристик человека. Так, в рамках одной из относительно «молодых» наук – нейроантропологии, – которая изучает культурные различия сквозь призму процессов, происходящих в мозге человека, предпринимались попытки выяснить, как приобретение определенных культурных навыков влияет на физиологические и иные характеристики человеческого мозга. Такие нейроантропологические исследования показали, что разница в социальных навыках

представителей различных культур предопределяет активность разных нейронных комплексов головного мозга при решении одной и той же задачи, особенно ярко эта закономерность проявляет себя при сопоставлении мозговых процессов у представителей западных культур, базовым принципом которых является индивидуализм, и восточных правовых культур, основанных на принципе коллективизма.

Описанные результаты нейроантропологических исследований позволили сформулировать довольно смелые выводы о том, что культурные особенности неразрывно связаны с генетикой, то есть в некотором смысле социальное в человеке синкретично с природно-биологическим. Параллельно в цифровую эпоху культурная идентичность человека формируется не только внутри определенной социокультурной среды, но и в цифровом пространстве, в котором одновременно происходят два процесса: а) традиционные (религиозные, этнокультурные и т.д.) ее аспекты видоизменяются, искажаются, б) появляются качественно новые ее плоскости (придуманные социальные роли, предопределяющие виртуальные идентичности, принадлежность к различным интернет-сообществам и т.д.).

Сегодня можно выделить ряд социокультурных факторов, связанных с развитием цифровой среды и предопределяющих специфику развития права как минимум на ближайшую и среднесрочную перспективы.

Первым фактором можно считать технологическую революцию в коммуникациях, ускорившую время и сжавшую пространство (Evstafyev, 2024:38–39). Сегодня изменился характер течения исторического времени – оно едино для всех обществ, – в отличие от предшествующих эпох, когда развитие общества, государства и права в различных регионах происходило в разных темпах, что обеспечивало гармоничность такого развития в национальных социокультурных рамках, но обостряло неравенство, неодинаковость процессов и результатов такого развития в масштабах Земного шара. Изменение характера течения исторического времени не может не отразиться на процессе развития государств, которые не относятся к наиболее развитым странам мира – скорее всего, процессы развития в них будут противоречивыми, деформированными как минимум по причине того, что эволюция правовых форм будет опережать темпы развития общественных отношений и общественного сознания там. Это, в свою очередь, не может не вызвать отторжения соответствующими обществами политических и правовых моделей, которые предлагаются наиболее развитыми государствами и концептуализируются в правовых документах. Очевидно, что это болевая точка, которая, по-видимому, усугубит кризис права в ближайшей перспективе.

Сжатие пространства в современном мире приводит к изменению значимости фактора расстояния в общественных отношениях – в современном мире реализуются крупнейшие логистические проекты – например, коридоры «Север–Юг», «Один пояс – один путь» – эти логистические проекты формируют качественно новые взаимозависимости между регионами, состоящими из типологически различных, подчас несовместимых культур, и при этом дают этим культурам колоссальные возможности для модернизации, к которой они подчас не готовы. В совокупности с противодействием государств, интересам которых угрожает формирование новых логистических проектов, а также с исторической закономерностью – логистика на протяжении всей истории человечества была фактором, стимулирующим дестабилизацию в общественных отношениях, обоснованно предположить, что право столкнется с качественно новыми межгосударственными и цивилизационными конфликтами, инструментов для решения которых на данный момент просто нет.

Примером практических следствий ускорения времени и сжатия пространства могут служить особенности жизни современных мигрантов – если в аналоговом обществе они довольно быстро могли утратить связь с родной культурой, то в цифровую эпоху они постоянно сохраняют эту связь, используя, например, мобильные телефоны. Это создает препятствия для «включения» мигранта в культуру страны пребывания, для усвоения им соответствующих ценностей, стандартов поведения. В таких условиях повлиять на культурную идентичность мигранта при реализации целей национальной миграционной политики невозможно. Они не могут полностью адаптироваться к особенностям принимающей культуры и со своей стороны сохраняют упоминавшуюся выше модель мировосприятия «свой–чужой».

Второй фактор, связанный с развитием цифровой среды и предопределяющий специфику развития права, – это так называемый мегаполисный космополитизм. Современный мир – это мир мегаполисов, предполагающий специфические формы общественного управления и соответствующие им модели правового регулирования. Отметим, что фактор системообразующего значения городов для общественных отношений не является чем-то новым. Однако на новом витке истории он становится более сложным в идеологическом и структурном плане – современные мегаполисы существуют, как было указано выше, в едином времени, в едином социально-экономическом и социально-политическом пространствах. Влияние цифровых коммуникаций на жизнь человека порождает для него массу возможностей получать в режиме реального времени информацию о своей собственной культуре, ее ценностях, наследии, на основе которых человек может воссоздавать культурные связи и воспроизводить культурные образцы, являющиеся продуктом его родной социокультурной общности. Культурная идентичность человека осознается им без прямого аналогового контакта с представителями соответствующей культурной традиции. Мультикультурализм крупных городов сталкивается с культурной реидентификацией их жителей. «Культурная идентичность современного человека оказывается проблематичной и неустойчивой: она находится на распутье между глобалистским космополитизмом и глокалистским пестованием локальных культур» (Trufanova & Khan, 2022:92).

Таким образом, относительная однородность социально-экономических и социально-политических характеристик мегаполисов в различных государствах создает «эффект ложного понимания социокультурной универсальности, отрицания фактора цивилизационных идентичностей» (Evstafyev, 2024:40). Следствием этого рискует стать ошибочность целеполагания в праве, неверная оценка точек конфликтности общественных отношений и потенциала к предотвращению и разрешению таких конфликтов и иных социальных проблем. То есть фактором развития права станет в ближайшей перспективе способность обществ и культур к критической переоценке идейных основ и целей правового регулирования, деформированных эффектом мегаполисного космополитизма.

Наконец, третий фактор, связанный с развитием цифровой среды и предопределяющий специфику развития права, демонстрирует, что развитие цифровой среды и включенность в нее индивидов обеспечивает более интенсивные контакты представителей разных культур, чем аналоговый мир, в котором межкультурное взаимодействие, как правило, локально – физические расстояния препятствуют межкультурным контактам большинства людей. Цифровая среда, как было обосновано выше, обнуляет значение расстояний и дает возможность любому человеку взаимодействовать с представителями других культур, подчас типологически

несовместимых с их собственной культурой, «здесь и сейчас». Это способно сделать более частыми и интенсивными межкультурные конфликты, спровоцировать ситуации «культурного шока» (Oberg, 1960), агрессию.

Заключение

Цифровая реальность представляет собой особую «среду обитания» человека, которая а) меняет направленность процесса эволюции человеческого мозга и сознания, объединяет естественные, биологические и социальные законы с техническими законами, сформированными элементами цифровой среды, создает новое, неразрывное сочетание этих факторов, формируя отличительную типологическую черту современного права; б) в сочетании с социальным опытом изменяет тип человеческого мышления и мировосприятия на фрагментарную, клиповую модель мышления, предполагающую не системное, а суженное, упрощенное понимание реальности; в) создает условия для трансформации ценностной основы человеческой культуры, «расщепления» индивидуальности человека и его культурной идентичности; г) виртуализирует значительную часть общественных отношений; д) порождает новую структуру общества и новые формы социального неравенства.

Эти направления эволюции социальной практики, общественных отношений, их ценностной основы, сознания и мировоззрения человека, будучи выраженными в праве, приобретают значение его типологических характеристик, в которых в новой уникальной форме проявляет себя феномен синкретизма. Так, типологической характеристикой права становится слитное, нераздельное выражение в нем комплекса природно-биологических и социальных закономерностей развития человека и общества, а также технических закономерностей, обусловленных интеграцией в человеческое сознание элементов цифровой среды, небιологическими ресурсами.

Право цифровой эпохи имеет дело с новым мышлением – клиповым, фрагментарным, не нацеленным на системное восприятие мира, основанным на суженном, упрощенном мировоззрении. Носители этого мышления – субъекты права – имеют качественно новые черты, существенно меняющие отношение права к человеку как к ценности. Так, субъект права, интегрированный в цифровую среду, обладает множественностью идентичностей, часть из которых не находят своего воплощения в реальных характеристиках лица. Цифровая личность имеет размытую, «расщепленную», неопределенную индивидуальность. Цифровая эпоха меняет само содержание культурной идентичности человека, которая теперь включает в себя комплекс природно-биологических (в частности, генетических), социальных (язык, традиции, ценности и т.д.) и виртуальных (вымышленные социальные роли, феномен фолловеров, черты и виртуальные статусы, обусловленные соблюдением правил, созданных интернет-сообществами и т.д.) характеристик. Это позволяет праву цифровой эпохи считать ценностью не конкретного человека, а приемлемую с точки зрения власти его идентичность, юридическая оценка которой сопряжена с появлением новой группы объектов правового регулирования – виртуальных интерпретаций человеком юридически значимых социальных смыслов.

Наконец, цифровая эпоха порождает новые формы социального деления, критериями которого становятся а) степень интеграции человека в виртуальное пространство; б) отношение человека к технологиям как к средствам производства,

а следствием которого становятся новые формы социального неравенства и отражение в праве новых групп социальных интересов, меняющих его сущность как типологическую характеристику этого социального явления.

References / Список литературы

- Astafyeva, O.N. (2010) Restructuring and Demarcation of Collective Identities in the Globalization Conditions: the Future of the National-cultural Identity. *Questions of social theory. Vol 4: Human in Search of Identity*. Moscow, Interdisciplinary Society for Social Theory Publ., pp. 255–281. (in Russian).
Астафьева О.Н. Реструктуризация и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. Т. IV. Человек в поисках идентичности. М. : Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. 528 с.
- Bauman, Z. (2005) *Individualized Society*. Trans. Inozemtsev, V.L. Moscow, Logos Publ. (in Russian).
Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.
- Belli, L. (2017) Network Self-Determination and the Positive Externalities of Community Networks. Available at: <http://bibliotecadigital.fgv.br/dspace/handle/10438/1992> [Accessed 09th September 2025].
- Blank, G. & Reisdorf, B.C. (2012) The participatory Web: A User Perspective on web 2.0. *Information, Communication and Society*. 15, 301–318.
- Boellstorff, T., Nardi, B., Pearce, C. & Tailor, T.L. (2012) *Ethnography and Virtual Worlds: A Handbook of Method*. Princeton, Princeton University Press.
- Bryzgalina, E. V. (2023) Digital Bioethics: Disciplinary Status between Tradition and Computation. *Questions of Philosophy*. (1), 94–103. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-94-103> EDN: OWEWDE.
Брызгалина Е.В. Цифровая биоэтика: дисциплинарный статус между традицией и вычислением // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 94–103. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-94-103> EDN: OWEWDE.
- Clark, A. (2004) *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. Oxford, Oxford University Press.
- Clark, A. (2008) *Supersizing the Mind: Embodiment, Action, and Cognitive Extension*. Oxford, Oxford University Press.
- Clough, P., Gregory, K., Haber, B. & Scannell J. (2015) The Datalogical Turn. In: Vannini, P. (ed.) *Nonrepresentational Methodologies: Re-Envisioning Research*. Oxford, Taylor & Francis Publ.
- Evstafyev, D.G. (2024) *Strategy of the “Big Game”. Russia and the USA in the New World*. Moscow, Antipin K.V. Publ. (in Russian).
Евстафьев Д.Г. Стратегия «большой игры». Россия и США в Новом Мире. М. : ИП Антипин Константин Валерьевич, 2024. 320 с.
- Gibson, J. (2002) Perception as a function of stimulation. *Psychology of sensations and perception*. In: Gippenreiter, Yu.B., Lyubimova, V.V. & Mikhalevskaya, M.B. (eds.) Moscow, CheRo, Moscow Psychological and Social Institute Publ. (in Russian).
Гибсон Дж. Восприятие как функция стимуляции // Психология ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимовой, М.Б. Михалевской. М. : ЧеРо; Московский психолого-социальный институт, 2002.
- Han, S. & Ma, Y. (2014) Cultural differences in human brain activity: A quantitative meta-analysis. *Neuroimage*. 99, 293–300. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2014.05.062>
- Hildebrandt, M. (2008) Defining Profiling: A New Type of Knowledge? In: Gutwirth, S. (ed.) *Profiling the European Citizen*. Dordrecht, Springer Publ.
- Horst, H.A. & Miller, D. (2012) The Digital and the Human. In *Heather A. Horst and Daniel Miller’s Digital Anthropology*. New York, Berg Publ., pp. 3–35.

- Hui, Y. (2016) *On the Existence of Digital Objects*. Minneapolis, University of Minnesota Press.
- Ivanenko, E.A. (2009) Ray.ru: beta version. In: Savchuk, V.V. & Stepanov, M.A. (eds.) *Media Philosophy II. Boundaries of the discipline*. St. Petersburg, Center for Media Philosophy Publ. (in Russian).
 Иваненко Е.А. Рай.ру: бета-версия // Медиафилософия II. Границы дисциплины / под ред. В.В. Савчука, М.А. Степанова. СПб. : Центр Медиафилософии, 2009.
- Jones, S. (1999) Studying the Net: Intricacies and Issues. *Doing Internet Research: Critical Issues and Methods for Examining the Net*. Thousand Oaks, SAGE Publications Inc.
- Katrechko, S.L. (2004) Internet and consciousness: Towards the concept of a virtual person. In: Rozin, V.M. (ed.) *The Impact of the Internet on Consciousness and the Structure of Knowledge*. Moscow, IF RAS Publ., pp. 57–73. (in Russian).
 Катречко С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека // Влияние интернета на сознание и структуру знания / Под ред. В.М. Розина. М. : ИФ РАН, 2004.
- Khabrieva, T.Y. (2021) Identification of Law in Modern Social Regulation. *Questions of Philosophy*. (12), 5–17. (in Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63> EDN: USBBUG.
 Хабриева Т.Я. Идентификация права в современной социальной регуляции // Вопросы философии. 2021. № 12. С. 5–17. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63> EDN: USBBUG.
- Khalin, V.G. & Chernova G.V. (2018) Digitalization and its impact on the Russian economy and society: Advantages, challenges, threats and risks. *Administrative Consulting*. (10 (118)), 46–63. (in Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63> EDN: YNFXNZ.
 Халин В. Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10 (118). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-10-46-63> EDN: YNFXNZ.
- Kolyadko, I.N. (2022) Anthropological crisis of technogenic civilization: Parameters and ways to overcome it. *Questions of Philosophy*. (3), 76–80. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-76-80> EDN: NNICRD.
 Колядко И.Н. Антропологический кризис техногенной цивилизации: параметры и пути преодоления // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 76–80. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-76-80> EDN: NNICRD.
- Laing, R. (2002) *Self and Others*. Moscow, Class Publ. (in Russian).
 Лейнг Р. «Я» и другие. М. : Класс, 2002. 178 с.
- Latour, B. (2005) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory*. New York, Oxford University Press.
- Lazarevich, A.A. (2015) *Formation of the information society: communicative-epistemological and cultural-civilizational foundations*. Minsk, Belarusskaya Navuka Publ. (in Russian).
 Лазаревич А.А. Становление информационного общества: коммуникативно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания. Минск : Беларусская навука, 2015. 536 с.
- Lectorsky, V.A. (2018) Human in the electronic world: Opportunities and dangers. *Polylogos*. 2 (1). (in Russian). <https://doi.org/10.18254/S0000036-1-1>
 Лекторский В.А. Человек в электронном мире: возможности и опасности // Polylog/Polylogos. 2018. Т. 2. № 1. <https://doi.org/10.18254/S0000036-1-1>
- Leshkevich, T.G. (2022) The virtual person and transmitting cultural values to the digital generation. *Questions of Philosophy*. (3), 53–63. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-53-63> EDN: GXTQUM.
 Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53–63. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-53-63> EDN: GXTQUM.
- Lovink, G. & Hui, Y. (2016) Digital Objects and Metadata Schemes. Available at: <https://www.e-flux.com/journal/78/82706/digital-objects-and-metadata-schemes/> [Accessed 08th September 2025].

- Markov, A.V. (2013) *Human evolution. Book 2. Monkeys, neurons, and soul*. Moscow, AST: Corpus Publ. (in Russian).
Марков А.В. Эволюция человека. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М. : АСТ : Corpus, 2013.
- McLuhan, M. (1962) *Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man*. Canada, University of Toronto Press.
- McLuhan, M. (1964) *Understanding Media. The Extensions of Man*. Canada, McGraw-Hill Publ.
- Misra, Sh. & Stokols, D. (2012) A Typology of people – environment relationships in the digital age. *Technology in Society*. 34 (4), 311–325. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2012.10.003>
- Moles, A. (2008) Sociodynamics of culture. Trans. Birukov, B.V. Moscow, LKI Publ. (in Russian).
Моль А. Социодинамика культуры / пер. с фр. ; предисл. Б.В. Бирюкова. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 416 с.
- Muromtsev, G.I. (2021) Law genesis: problems of methodology. *RUDN Journal of Law*. 25 (2), 359–375. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-359-375> EDN: ZEZMGI.
Муромцев Г.И. Правогенез: проблемы методологии // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 2. С. 359–375. https://doi.org/10.22363/2313-2337-2021-25-2-359-375 EDN: ZEZMGI.
- Noble, S. (2018) *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York, New York University Press.
- Oberg, K. (1960) Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. *Practical Anthropology*. 7 (4), 177–182. <https://doi.org/10.1177/009182966000700405>
- Ossewaarde, M. (2019) Digital Transformation and the Renewal of Social Theory: Unpacking the New Fraudulent Myths and Misplaced Metaphors. *Technological Forecasting and Social Change*. 146, 24–30. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.05.007>
- Parshin, S.A. & Akhlibininsky, B.V. (1996) Human ecology in the information and post-information society. In: Uvarov, M. (ed.) *Russia: Past, present, future. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. St. Petersburg, BSTU Publishing House, pp. 102–1107. (in Russian).
Паришин С.А., Ахлибининский Б.В. Экология человека в информационном и постинформационном обществе // Россия: прошлое, настоящее, будущее : материалы Всер. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. / отв. ред. М.С. Уваров. СПб. : Изд-во БГТУ, 1996.
- Petrova, E.V. (2022) Ecology of the digital environment as an attempt to respond to the civilizational challenges of the digital age. *Questions of Philosophy*. (11), 99–109. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-99-109> EDN: RHCNE.
Петрова Е.В. Экология цифровой среды как попытка ответа на цивилизационные вызовы цифровой эпохи // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 99–109. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-99-109 EDN: RHCNE.
- Pishchalnikova, V.A. (2018) New cognitive structures in the digital information environment. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. (13 (807)), 192–201. (in Russian). EDN: RPINSW.
Пищальникова В.А. Новые когнитивные структуры в цифровой информационной среде // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 13 (807). С. 192–201. EDN: RPINSW.
- Semenenko, I.S. (2017) Cultural, sociocultural, civilizational identity. In: Semenenko, I.S. (ed.) *Identity: Personality, Society, Politics*. Moscow, Ves' Mir Publ., pp. 312–318. (in Russian). EDN: SGRIDO.
Семененко И.С. Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика : энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М. : Весь Мир, 2017. С. 312–318. EDN: SGRIDO.
- Sfera, A. & Osorio, C. (2014) Thinking Pattern East and West. *SOJ Psychology*. 1 (4), 1–2. <https://doi.org/10.15226/2374-6874/1/4/00117>

- Stepin, V.S. (2001) Culture. In: Stepin, V.S. (ed.) *New Philosophical Encyclopedia*. Moscow, Mysl Publ., pp. 341–347. (in Russian).
Степин В.С. Культура // Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина. М. : Мысль, 2001. 635 с.
- Stepin, V.S. (2011) *Civilization and culture*. St. Petersburg, Humanitarian. St. Petersburg University of Trade Unions Publ. (in Russian). EDN: QOMXIL.
Стёпин В.С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с. EDN: QOMXIL.
- Szecsí, G. & Koller I. (2017) Community and Morality in the Digital Age. *Coactivity: Philosophy, Communication*, 25 (1), 18–25. <https://doi.org/10.3846/cpc.2017.270>
- Toffler, A. (1997) *Future Shock*. St. Petersburg, Lan Publ. (in Russian).
Тоффлер А. Футурошок. СПб. : Лань, 1997. 461 с.
- Trufanova, E.O. & Khan, Sh.J. (2022) Transformations of cultural identity in the digital world. *Questions of Philosophy*. (12), 84–94. (in Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-12-84-94> EDN: TTZFPE.
Труфанова Е.О., Хан Ш. Дж. Трансформации культурной идентичности в цифровую эпоху // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 84–94. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-12-84-94> EDN: TTZFPE.
- Trufanova, E.O. (ed.) (2022) *Individual and Collective Memory in the Digital Age*. Moscow, Aquilon Publ. (in Russian).
 Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху : коллективная монография / отв. ред. Е.О. Труфанова. М. : Аквилон, 2022. 400 с.
- Van Dijck, J. (2013) *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*. Oxford, Oxford University Press.
- Welsch, R., Castell, von C., Rettenberger, M., Turner, D., Hecht, H. & Fromberger, P. (2020) Sexual Attraction Modulates Interpersonal Distance and Approach-Avoidance Movements towards Virtual Agents in Males. *PLoS ONE*. 15 (9): e0239935. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231539>
- Winner, L. (1997) Cyberlibertarian myths and the prospects for community. *Acm Sigcas Computers and Society*. 27 (3), 14–19. <https://doi.org/10.1145/270858.270864>
- Zhuravleva E.Yu. (2018) Challenges of Big Data Technologies for Modern Social and Humanitarian Sciences. *Questions of Philosophy*. (9), 50–59. (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440001353-3> EDN: CUKVKR.
Журавлева Е.Ю. Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 50–59. <https://doi.org/10.31857/S004287440001353-3> EDN: CUKVKR.

Сведения об авторе:

Зинковский Сергей Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент кафедры публичного права, Одинцовский филиал МГИМО МИД России; Российская Федерация, 143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3

ORCID: 0000-0001-6494-0542; SPIN-код: 8662-8904; Scopus ID: 57194431845

e-mail: zinkovskiy-sb@rudn.ru

About the author:

Sergey B. Zinkovskiy – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Law, Odintsovo branch, MGIMO University; 3 Novosportivnaya str., Moscow region, Odintsovo, 143007, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6494-0542; SPIN-code: 8662-8904; Scopus ID: 57194431845

e-mail : zinkovskiy-sb@rudn.ru